

ISSN 1392-8295

UK
Uniwersytet
Jana Kochanowskiego w Kielcach

mokslo darbai transactions

RESPECTUS PHILOLOGICUS

2013 Nr. 23 (28)

RESPECTUS PHILOLOGICUS Nr. 23 (28)

MOKSLINIS TĖSTINIS LEIDINYS

Leidžia Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas ir Jano Kochanovskio universiteto Humanitarinis fakultetas Kielcuose du kartus per metus (balandžio 25 d. ir spalio 25 d.).

Mokslo kryptis: filologija (04H). Mokslo sritys: gramatika, semantika, semiotika, sintaksė (H 352), bendroji ir lyginamoji literatūra, literatūros kritika, literatūros teorija (H 390).

Pagrindinės kalbos: lietuvių, lenkų, anglų, rusų.

CZASOPISMO NAUKOWE

Wydawcy: Uniwersytet Wileński – Wydział Humanistyczny w Kownie oraz Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach. Ukazuje się dwa razy w roku: 25 kwietnia i 25 października.

Kierunek naukowy: filologia (04H). Dyscypliny naukowe: gramatyka, semiotyka, semantika, syntaktyka (H 352), literatura ogólna i porównawcza, krytyka literacka, teoria literatury (H 390).

Podstawowe języki: polski, litewski, angielski i rosyjski.

ONGOING ACADEMIC PUBLICATION

Published twice a year (April 25, October 25) by Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities and The Jan Kochanowski University Faculty of Humanities in Kielce.

Scientific field: philology (04H). Research areas: grammar, semantics, semiotics, syntax (H 352), general and comparative literature, literary criticism, literary theory (H 390).

The journal accepts articles and correspondence written in English, Lithuanian, Polish and Russian.

DUOMENŲ BAZĖS / BAZY DANYCH / ABSTRACTING AND INDEXING

**Elektronische
Zeitschriftenbibliothek (2002)
Arianta (2002)**

Frei zugängliche E-Journals
Universitätsbibliothek Regensburg
Naukowe i branżowe polskie czasopisma elektroniczne
Biblioteka Uniwersytetu Śląskiego
Russian Language, Literature and Cultural Studies

Balcan Rusistics (2004)

Russian Language, Literature and Cultural Studies

C.E.E.O.L. (2005)

Central and Eastern European Online Library
DFG Nationallizenzen

EBSCO (2006)

Humanities International Complete
Humanities Source
Current Abstracts
Humanities International Index
TOC Premier

MLA (2007)

Modern Language Association
International Bibliography

Index Copernicus (2008)

Index Copernicus International
Journal Master List

Lituanistika (2011)

The database of the humanities and social sciences in Lithuania

Linguistic Bibliography Online (2012)

Brill Leiden, Netherlands

Ulrichs (2013)

Ulrich's Periodicals

PATIKRA / WERYFIKACJA / VERIFICATION

CrossCheck, EPAS

Redakcijos adresas / Adres redakcji / Address of the editorial board

Žurnalas „Respectus Philologicus“
Vilniaus universitetas
Kauno humanitarinis fakultetas
Muitinės g. 8, LT-44280 Kaunas, Lietuva
Tel. +370 37 750 536

Respectus Philologicus
Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanities
Muitines 8, Kaunas 44280, Lithuania

El. paštas / E-mail respectus@gmail.com

Interneto svetainė / Strona internetowa / Homepage http://filologija.vukhf.lt

Moksliniai ir kalbos redaktoriai / Redakcja naukowa i językowa / Proof-readers

Gabija Bankauskaitė-Sereikienė (lietuvių kalba / język litewski / Lithuanian language)
Kazimierz Luciński, Beata Piasecka (lenkų kalba / język polski / Polish language)
Algis Braun (anglų kalba / język angielski / English language)
Eleonora Lassen, Viktorija Makarova (rusų kalba / język rosyjski / Russian language)

Pagrindinė redaktorė / Redaktor prowadzący / Publishing editor

Viktorija Makarova

Vertimas / Tłumaczenie / Translation

Živilė Nemickienė, Beata Piasecka

Print ISSN 1392-8295, Online ISSN 2335-2388

© Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2013

© Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach, 2013

Олег Гринбаум

Санкт-Петербургский государственный университет
 Университетская наб., 11, 199034 Санкт-Петербург, Россия

Тел. +7 812 328 95 19

E-mail: oleg@og3580.spb.edu

Область научных интересов автора: поэтика, гармония, когнитивная лингвистика, «золотое сечение»

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ – «ГЛАЗАМИ» ОНЕГИНА

В статье рассмотрены некоторые вопросы ритмико-смыслового анализа текста письма Татьяны Лариной из третьей главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»¹. Наши предыдущие работы были посвящены изучению структурно-композиционных особенностей текста, а также ритмико-экспрессивным аспектам читательского восприятия письма Татьяны. Настоящее исследование продолжает выбранную линию анализа данного текста в той его части, которая связана с особым характером этого письма: данный фрагмент романа является т.н. «вставным» текстом и по этой причине может и должен быть прочитан отдельно («сепаратно») от общего хода поэтического повествования. Такой подход позволяет изучать процесс восприятия письма Татьяны его адресатом – Онегиным и одновременно дает возможность уточнить причины, по которым Пушкин долгое время не предъявлял текст письма читателю своего романа, словно бы подыскивая для него и лучший момент, и лучшее место. С другой стороны, в нашей работе показано, что при «сепаратном» варианте прочтения письма Татьяны в центре эмоционально-экспрессивного восприятия этого текста оказывается слово «надежда», и этот факт позволил получить новые свидетельства, указывающие на причины беспощадной и, казалось бы, неадекватной реакции Онегина на письмо Татьяны Лариной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стиховедение, гармония, ритм, математика, «золотое сечение».

1. Некоторые аспекты анализа стиха Пушкина

Первый вопрос, на который следует обратить внимание, связан с самим процессом восприятия романа Пушкина: читая

роман «Евгений Онегин» (далее – ЕО), мы следуем за волей автора, рассказывающего читателю историю любви двух своих главных героев. И о том, как сами герои, пусть и виртуальные, относятся и реагируют на происходящие события, читателю дано знать лишь со слов поэта. Но в третьей главе появляется первая возможность взглянуть на романтическую историю глазами самих героев романа (включая автора как одного из героев ЕО): Татьяна пишет письмо

¹ От редакции: журнал продолжает публикацию оригинальных исследований профессора Санкт-Петербургского государственного университета О. Н. Гринбаума, для которых центральным является вопрос о единстве формы и содержания поэтического текста. Поиск ответа на него невозможен без рассмотрения понятия «ритм» в рамках феноменологического триединства «ритм-форма-содержание» стиха.

Онегину, Онегин его читает, а автор не только «переводит» Письмо с французского на русский, не только комментирует его, но и предлагает читателю свои оценки произошедшего.

Конечно, анализ истории с «переводом» письма Татьяны Лариной (далее – Письма) весьма обстоятельно представлен в мировой пушкинистике, так что нам нет необходимости в деталях повторять его основные выводы. Поэт был вынужден прибегнуть к своеобразной мистификации уже хотя бы потому, что Татьяна «по-русски плохо знала»². Использованный прием позволил Пушкину не только тонко и деликатно обозначить свое отношение к Письму, написанному в духе любовных романов начала XIX века, но и передать читателю собственное восхищение смелостью и искренностью Татьяны. Достаточно сослаться здесь на мнение В. Г. Белинского, который констатировал, что «письмо Татьяны свело с ума всех русских читателей, когда появилась третья глава “Онегина”. Мы вместе со всеми думали в нем видеть высочайший образец откровения женского сердца» (Белинский 1948: 147). Высшие оценки этого текста неоспоримы, хотя и язык, и романтический стиль Письма – с его галлицизмами («Обман неопытной души!»), сентиментальными откровениями («Когда я бедным помогала...») и хорошо известными в европейских

любовных стихах риторическими переходами («Другой!...») – скорее всего не должны были способствовать росту читательского восхищения авторским слогом романа.

Аналитическая работа над текстом Письма сталкивается, таким образом, с необходимостью дать ответ на вопрос о том, одни ли только сюжетно-стилистические факторы сыграли свою решающую роль в том, что сами стихи Письма «жгут страницы» романа (о чем уже в 1827 году писал журнал «Северные цветы»³), или же время и место появления Письма в третьей главе ЕО оказывают не меньшее воздействие на читателей пушкинского таланта. Для большей наглядности приведем еще два высказывания: «чудные стихи» – так о письме Татьяны Лариной отозвался П. Анненков⁴, а, скажем, С. Г. Бочаров характеризовал их как «гениальные русские стихи» (Бочаров 1974: 75).

Итак, «вставной»⁵ характер Письма позволяет читателю (исследователю) вообразить себя и на месте «автора» этого письма (Татьяны), и на месте читающего это Письмо Онегина, и, наконец, на месте поэта, взвалившего на свои плечи очень трудную задачу – не только написать письмо от имени влюбленной барышни, но написать о чувствах своей главной героини так, чтобы читатель им безоговорочно поверил. В варианте «сепаратного» прочтения Письма читатель оказывается как бы вне общего

² В задачи настоящей работы не входит детальный анализ причин «игры и мистификации» (Бочаров 1974: 72), затеянной Пушкиным с «французским» оригиналом письма Татьяны, так же как и вопрос, связанный с поиском историко-литературных источников этого текста. Подробнее см., напр.: (Набоков 1998: 326–333; Кулюнич 1994: 129–135; Кошелев 1999: 103–105).

³ Цит. по: (Бочаров 1974: 72).

⁴ Цит. по: (Набоков 1998: 332).

⁵ Напомню, что к «вставным» текстам ЕО относятся письма Татьяны Лариной (глава 3) и Онегина (глава 8), песня Девушек (глава 3) и Элегия Ленского (глава 6). Тексты стихов Пушкина приводятся по изданию (Пушкин 1937).

контекста повествования, вне тех эмоционально-содержательных ощущений и знаний, которые сформировались у него на основании прочитанной уже части романа. При рецептивном ритмико-смысловом анализе текста создается, таким образом, принципиально иная ситуация, которая во многом отличается от восприятия того же фрагмента повествования в случае обычного (глава за главой) чтения романа: такая ситуация максимально приближена к жизненным реалиям человеческих взаимоотношений.

Именно в рамках «сепаратного» изучения фрагмента пушкинского романа мы попробуем напрямую оценить темпоральные эмоционально-смысловые особенности восприятия письма Татьяны, а также прокомментировать явленность здесь композиционно-гармонического гения Пушкина, который поместил текст этого Письма в наилучшую позицию относительно всего повествования третьей главы ЕО.

Подчеркнем еще раз, что ни в рамках современного структурного стиховедения, ни в рамках традиционного стиховедения, ни даже в рамках классического литературоведения задачи подобного рода попросту невозможны, поскольку эти научные направления не располагают необходимыми для наших целей исследовательскими методами и приемами. В противовес этому метод ритмико-гармонического анализа поэтического текста⁶ с формальной стороны требует минимальных усилий: нужно лишь обнулить

все данные, предшествующие «вставному тексту» (письму Татьяны) – и все⁷.

2. Анализ двух вариантов прочтения письма Татьяны

Итак, прочтение самого Письма (текст и расстановка в нем ударений) сохраняется в неизменном виде, но результаты вычислений и графики гармонии и экспрессии (см. рис. 1) меняются потому, что данная процедура моделирует процесс восприятия фрагмента общего повествования так, будто бы он звучит вне этого повествования, то есть отдельно от всего предшествующего текста третьей главы ЕО. Собственно говоря, мы тем самым математически воспроизводим оценку ситуации непосредственного восприятия Онегиным обращенной к нему речи Татьяны. (Напоминаем список принятых сокращений: РГТ – ритмико-гармоническая точность, K_3 – коэффициент экспрессивности ритмоощущений, IND – индекс ритмико-чувственной активности).

Скажем сразу, что «сепаратный» вариант прочтения письма Татьяны, позволяющий моделировать процесс восприятия Письма его получателем (Онегиным), оказывается менее гармоничным и менее экспрессивно уравновешенным в сравнении с вариантом

⁶ Метод исследования и его параметры подробно изложены в работе (Гринбаум 2008).

⁷ Поясним, что к моменту появления в третьей главе ЕО текста письма Татьяны, а это конец XXXI строфы, общее число слогов S от начала главы составляет величину $S=3608$, а число ударных слогов T – величину $T=1376$. При анализе «обычного» прочтения Письма к этим начальным значениям прибавляются величины S и T самого Письма, поскольку мы для расчета значений параметров РГТ и K_3 используем накопительную процедуру вычислений. При «сепаратном» прочтении начальные значения S и T полагаются равными нулю.

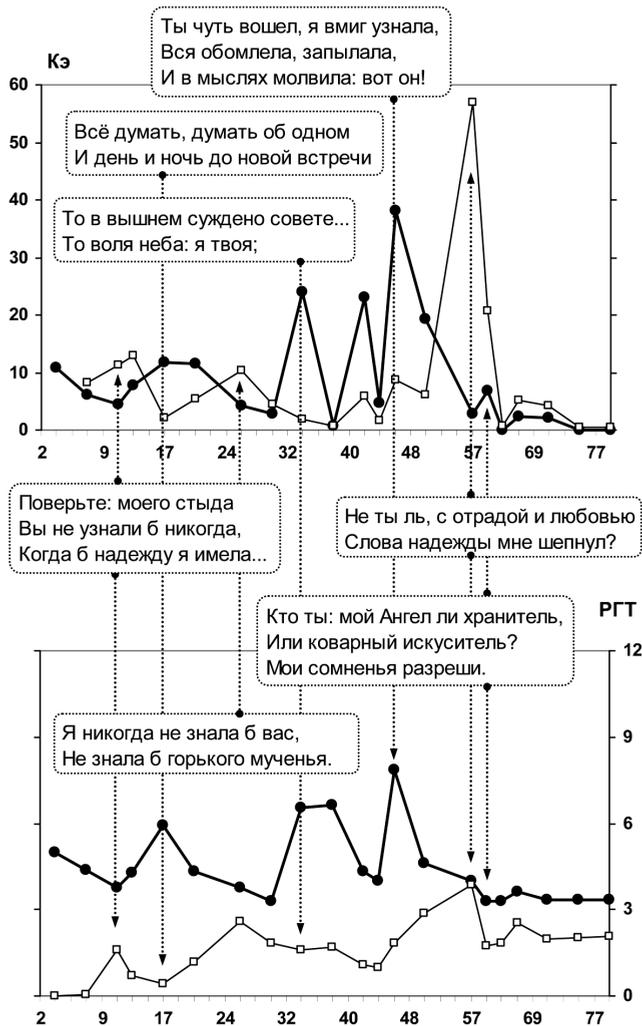

Рис 1. Гармония и экспрессия ритма в сепаратном (тонкая кривая) и обычном вариантах прочтения письма Татьяны Лариной (по горизонтальной оси — номера строк Письма).

«общего» прочтения того же текста. Вспомним, как долго поэт в третьей главе оттягивал момент предъявления читателю письма Татьяны Лариной – в итоге этот текст, помещенный в структурно-гармонический центр главы, заиграл (в эмоциональном отношении) новыми красками (Гринбаум 2010а: 174–178). Индекс ритмико-чувственной

активности IND увеличился от значения $IND = 20,8$ для «сепаратного» варианта до $IND = 25,2$ для «общего» варианта прочтения Письма; средняя величина РГТ выросла от значения 1,6 до 4,4, а показатель эмоционально-экспрессивной уравновешенности речи (параметр нестабильности ритмоощущений NS) снизился от 12,5 до 9,9.

Теперь обратимся к нашим графикам на рис. 1, где текстовыми вставками отмечены особо важные для наших изысканий позиции письма Татьяны Лариной.

В первой части Письма (строки 1–21) динамика изменения параметров гармонии РГТ и экспрессии K_3 для двух вариантов прочтения оказывается в противофазе друг по отношению к другу: если значения РГТ (и K_3) для общего варианта уменьшаются, то для «сепаратного» – увеличиваются. Например, на протяжении первых десяти строк значения РГТ («общий» вариант) только уменьшаются и к моменту, когда Татьяна Ларина пишет: «Поверьте: моего стыда / Вы не узнали б никогда...», снижаются от величины РГТ = 5,0 до локального минимума РГТ = 3,8. Для «сепаратного» варианта картина здесь обратная (РГТ возрастает), что с эмоционально-психологической точки зрения вряд ли возможно. Та же ситуация прослеживается и в поведении параметра экспрессии K_3 . Объяснения этим фактам мы представим чуть позже, а пока скажем, что одновременный рост величин РГТ и K_3 в целом соотносится с чувством «воодушевления», тогда как одновременное снижение значений этих параметров – с чувством «разочарования». Такую синхронность мы уже не единожды встречали в тексте других фрагментов ЕО и, поскольку сожаления Татьяны, вызванные крайне редкими поездками Онегина в поместье Лариных, не могут вызывать у читателя положительных эмоций, мы делаем вывод, что поведение кривых параметров гармонии РГТ и экспрессии K_3 в первых строчках Письма значительно более правдоподобно именно для «общего» варианта прочтения этого текста.

Далее. В случае «общего» варианта прочтения максимум значений РГТ в первой части Письма приходится на те строки, где героиня романа признается в своих неотвязных думах об Онегине (строки 16–17): «Все думать, думать об одном / И день и ночь до новой встречи». Но для «сепаратного» варианта прочтения в этом месте – локальный минимум и гармонии, и экспрессии. Решая, приятны ли эти мечтания Татьяне или, наоборот, огорчительны, мы отдаем предпочтение первому варианту, надеясь, что вдумчивому читателю наши возможные пояснения такой позиции ни к чему. Хотя, конечно же, мечтания пушкинской героини без сожалений и без грусти не обходятся.

В сравнительном отношении еще более показательна вторая часть Письма (строки 22–30). Для большей убедительности приведем текст второй части полностью:

- 22 Зачем вы посетили нас?
- 23 В глуши забытого селенья,
- 24 Я никогда не знала б вас,
- 25 Не знала б горького мученья.
- 26 Души неопытной волненья
- 27 Смирив со временем (как знать?),
- 28 По сердцу я нашла бы друга,
- 29 Была бы верная супруга
- 30 И добродетельная мать.

При «общем» прочтении очередной спад величин РГТ и K_3 (рис. 1) начинается со слов «Но говорят, вы нелюдим...» (строка 18) и длится до конца второй части Письма (строка 30). В числах это уменьшение величин РГТ фиксируется от значения 5,91 до 3,37; экспрессия снижается здесь от 11,88 до 2,84. Для «сепаратного» варианта ситуация иная (рис. 1): величины РГТ и K_3

растут от 18-й строки вплоть до строки 28-й («По сердцу я нашла бы друга») и тут же, на двух следующих строчках «Была бы верная супруга / И добродетельная мать» – падают (РГТ от 2,57 до 1,82 и K_3 от 10,31 до 4,39).

«Быть верной и добродетельной, – комментировал эти строки Г.П. Макагоненко, – это была действительная потребность души Татьяны. Верилось только, что друг будет избран по сердцу. Но и это не сбылось» (Макагоненко 1963: 130). Читая эти строки (и не зная еще всего сюжета), не хочется верить в то, что Татьяна выйдет замуж не по любви... А вот как распорядится судьба, и Онегину, и читателю доведется узнать еще не скоро.

Но вот что интересно: при «общем» прочтении Письма нисходящая траектория значений двух ритмико-экспрессивных параметров (РГТ и K_3) как индикативных коррелятов психофизиологического процесса восприятия стиха – это своеобразное предсказание, скрытно упреждающее будущее романских событий, первый полунамек на то, что для «милой» сердцу поэта Татьяны не исключен столь печальный вариант ее женской доли. А для Онегина («сепаратный» вариант прочтения) та же возможность звучит более отчетливо – и не только по той причине, что герой ЕО не знал (и не мог знать) всего того, что поэт уже успел рассказать читателю о Татьяне Лариной, но и потому, что само по себе чтение этих строчек Письма (вне романа) порождало душевный перелом – от «воодушевления» к «разочарованию».

Картина третьей части Письма (строки 31–75) вновь демонстрирует резкие расхождения в поведении параметров

гармонии и экспрессии. При «общем» прочтении начало этой части приводит к трем последовательным всплескам значений РГТ и K_3 , последний из которых (строка 46, «И в мыслях молвила: вот он!») характеризуется максимальными для всей третьей главы значениями РГТ = 7,88 и K_3 = 38,12.

В случае же «сепаратного» прочтения поведение параметров РГТ и K_3 (рис. 1) в целом много более спокойное: в начале третьей части Письма спад величин РГТ продолжается еще 12 строк, а рост значений РГТ начинается только со строк «Нет, это был не сон! / Ты чуть вошел, я вмиг узнала» (строки 43–44). Максимум величины РГТ = 3,87 приходится на строки 56–57 «Не ты ль, с отрадой и любовью / Слова надежды мне шепнул?»

Заключительный фрагмент третьей части Письма (строки 58–75) при «общем» прочтении характеризуется медленным снижением величин РГТ: последнее и совсем небольшое усиление гармонии приходится на 67 строчку (для которой РГТ = 3,64 и K_3 = 2,38):

⁶⁶ Перед тобою слезы лью,

⁶⁷ Твоей защиты умоляю...

Для предыдущих строк:

⁶¹ Быть может, это всё пустое,

⁶² Обман неопытной души!

⁶³ И суждено совсем иное...

Значения РГТ и K_3 отражают не только пессимизм, но и, скорее всего, полный упадок душевных сил героини: РГТ не меняется, а K_3 уменьшается до нуля (РГТ = 3,32 и K_3 = 0,00). Вариант «сепаратного» прочтения строк 58–75 Письма практически повторяет картину общего прочтения; заключительное 4-стишие

Письма также ничего нового в наш сопоставительный анализ не приносят.

3. Письмо «глазами» Онегина

Центральный момент в наших размышлениях связан с тем особым обстоятельством, на которое отчетливо указывает поведение параметра экспрессии в третьей части Письма: для «общего» прочтения (и при более чем двукратном превосходстве средней величины гармонии) три всплеска величин экспрессии K_3 :

³³ То в вышнем суждено совете...

⁴¹ Твой чудный взгляд меня томил...

⁴⁶ И в мыслях молвила: вот он!

противостоят одному максимуму величины K_3 для случая «сепаратного» варианта (строка 57: «Слова надежды мне шепнул?»). Исследовательская интрига состоит в том, можно ли в самом тексте романа найти подтверждение и/или объяснение этому необычному факту или нет.

Наши рассуждения основаны на двух историко-литературных фактах, а опорой им служит поэтическое кредо Пушкина: «Истина страстей, *правдоподобие* чувствований в предполагаемых обстоятельствах – вот чего требует сердце наше» (Пушкин 1949: 421). Но прежде чем представить читателю собственное видение проблемы, еще раз вспомним поэтическую прелюдию (лирическое отступление) Пушкина к тексту Письма (строфы XXII–XXXI): и сами слова поэта, непосредственно указывающие на его отношение к героине романа и к ее поступку (Письму), и, что крайне интересно, длительность этого рассказа о письме Татьяны Лариной. Между двумя

романными событиями (известием о том, что Татьяна написала Письмо и текстом самого Письма) – дистанция огромного размера: десять Онегинских строф, или 140 строк, или самое длинное в романе отступление.

Итак, факт первый: согласно исследованиям пушкинистов, поэт после написания строфы V третьей главы примерно месяц обдумывал возможные сценарии развития своего романа, итогом чего стала «не-встреча» сердец его главных героев (временная разделенность чувств). Более того, «письмо Татьяны было написано Пушкиным тогда, когда третья глава была едва-едва начата» и поэтому «вполне естественным было желание Пушкина задним числом дописать предшествующие письму строфы» (Фомичев 1983: 36, 38). К тому же ряду относится и история со знаменитой строфой «Я помню море пред грозою...», восемь строк которой в черновике были записаны среди строф третьей главы, но в окончательном виде перенесены Пушкиным в первую главу и напечатаны в ней под номером XXXIII. Все эти обстоятельства (вместе с особой длиной поэтической прелюдии к Письму) говорят о том, что поэт не только считал важным донести до читателя свои чувства и свое отношение к поступку Татьяны Лариной (настроить читателя на свой гармонический лад), но и стремился найти такой момент в повествовании, когда «истина <Татьяниных> страстей» окажется для читателя максимально правдоподобной.

Факт второй. Обратим внимание на строки из XXXI строфы (строки 10–14):

... Но вот

Неполный, слабый перевод,

С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц.

В двух заключительных строчках XXXI строфы – отзвуки личных переживаний поэта, связанных с именами двух российских красавиц. Этот дистих, на наш взгляд, несколько затеняет эмоциональную сторону двух предшествующих строк. Читатель, даже хорошо знакомый с романтической оперой Карла М. фон Вебера «Фрейшиц» (которая была чрезвычайно популярна в России в начале 20-х гг. XIX в.), не может не проявить особого интереса к обстоятельствам, способствующим появлению в романе столь интригующей реминисценции, и комментаторы *ЕО* в своих работах удовлетворяют этот читательский интерес⁸. При всем при этом предшествующие строчки («Неполный, слабый перевод...») теряют для читателя особую эмоциональную выразительность, поскольку оставляют за собой лишь тень от общей картины, тень, отражающую только один аспект всей проблемы, а именно тот, что «перевод» Письма – это вовсе не перевод с французского языка, а «перевод» с языка девичьей любви. Безусловно, данную сторону пушкинской загадки обсуждают и о ней спорят представители многих поколений пушкинистов⁹, но, на наш

⁸ Предоставим слово В.В. Набокову: «Биограф, небезразличный к истории амурных увлечений, легко вообразит княгиню Вяземскую и графиню Воронцову этак числа 10 июня 1824 г. в Одессе, разучивающими эту увертюру <из оперы фон Вебера> в присутствии Пушкина, который питал дружбу-любовь к первой и был страстно влюблен во вторую. В это же время все трое бросали вызов волнующему прибою на морском берегу в Одессе...» (Набоков 1998: 326).

⁹ В этом отношении весьма важен обзор, представленный в работе (Куюнжич 1994).

взгляд, слово «слабый» несет в себе еще один и весьма потаенный смысл.

Нам представляется (с учетом всего выше сказанного), что Пушкин не был до конца удовлетворен «правдоподобием чувствований», возникающим при «сепаратном» прочтении письма Татьяны. По этой причине поэт и искал для Письма нужное в романе время и место, отчасти и по этой же причине он затеял мистификацию с «французским» оригиналом. В процессе создания третьей главы *ЕО*, еще не особо доверяя своему гению, еще не имея перед собой полного текста третьей главы, поэт и написал слова о «слабом» переводе. Стоящие в том же ряду эпитеты «неполный» и «бледный» вполне объяснимы и не могли удивить тех, кто понимал, какую сверхзадачу решал автор, взявшись писать девичье письмо первой любви. Эпитет же «слабый» соотносится не только с очевидным смыслом, но и с особым стремлением поэта к «истине страстей», которая в итоге оказалась блистательно реализованной в тексте Письма – но не в качестве отдельного фрагмента романа, а как части общего текста (третьей главы *ЕО*).

Последний вопрос, который мы обсудим в настоящей работе, связан с одним из моментов, во многом, как нам кажется, определившим реакцию Онегина на письмо Татьяны. Анализ монолога Онегина из четвертой главы *ЕО* мы уже представили (Гринбаум 2011), однако выявленный теперь сдвиг максимума экспрессии (при сопоставлении «сепаратного» и «общего» вариантов прочтения Письма) придает новый импульс нашим размышлениям. Напомню, что максимум выразительности при «сепаратном» прочтении

приходится на строки 56–57 «Не ты ль, с отрадой и любовью / Слова надежды мне шепнул?» Эта «надежда» влюбленной барышни на взаимное чувство оказалась ключом к пониманию эмоционального восприятия и реакции (ответа, монолога) Онегина – с одной стороны. С другой стороны, для нашего разговора важно вспомнить начало рассказа поэта о реакции своего героя на Письмо: первое 4-стишие строфы X четвертой главы ЕО вновь порождает в читателе надежду на счастливый исход встречи главных героев:

Но, получив посланье Тани,
Онегин живо тронут был:
Язык девических мечтаний
В нем думы роem возмутил... (4, X, 1–4)

Но, увы, *краткость* того эмоционального всплеска, который мы обнаружили при «сепаратном» прочтении Письма (см. рис. 1, строки 56–57) оказалась вовсе не случайной, и подтверждение этому мы находим уже в XI строфе четвертой главы, где читаем:

Быть может, чувствий пыл старинный
Им на минуту овладел... (4, XI, 9–10)¹⁰

Далее, если вспомнить, что монолог Онегина представлялся и представляется многим исследователям (и не только им) чрезмерно суровым, холодным и беспощадным¹¹, то перед нами открывается возможность уточнить ответ на весьма важный вопрос: откуда такая холодность в словах Онегина и нельзя ли было как-то иначе – мягче, что ли, деликатнее? В этом вопросе мы соли-

¹⁰ Курсив наш.

¹¹ Вот, напр., слова И. В. Киреевского, сказанные им в 1828 г. в адрес Онегина: «... не ожесточение <Онегина>, а неспособность любить сделали его холодным» – см.: (Киреевский 2000: 45). Приведем и мнение В.Н. Турбина, нашего современника: «Онегин – носитель всеохватывающего, как бы всемирного холода» (Турбин 1996: 121).

дарны с мнением Н. Л. Бродского о том, что исповедь Онегина – это «честное и прямое признание немедленного разрыва, без *надежд* на “стерпится-слюбится”» (Бродский 1950: 205)¹². «Надежда» – ключевое для Онегина слово из письма Татьяны, и Пушкин, умело скрывая от читателя истинную причину¹³ холодности главного героя романа, не позволил читателю третьей главы ЕО («общее» прочтение) заранее потерять веру¹⁴ в счастливый для Татьяны финал встречи со своим героем.

Продолжая свою мысль, Н. Л. Бродский писал: «Через несколько лет он <Онегин> дорогой ценой расплатится за эту “суровость” своей “милой Татьяне”». Но в той ситуации, добавим мы, «проповедь» Онегина была, видимо, лучшим из возможных решений – ибо оставлять Татьяне хоть толику *надежды* означало бы сознательно обречь ее на долгие-долгие душевные страдания, столь хорошо знакомые и Онегину, и самому автору.

Заключая данное исследование, приведем слова П. А. Вяземского, сказанные им в адрес двух фрагментов третьей главы ЕО (письмо Татьяны и ночной разговор с няней): это «две прелести и две блистательные победы, одержанные всемогуществом дарования над неподатливым и неповоротливым языком нашим» (Вяземский 1996: 315).

¹² Курсив наш.

¹³ Сошлемся здесь на мнение А. Пеньковского, оставляя более обстоятельный анализ за рамками данной работы: «Онегин – не скучающий бездельник, а человек, пораженный всеобъемлющей, всепоглощающей, безысходной тоской. Источник этого губительного чувства – его роковая юношеская любовь, которая в романе обозначена словом страсти» (Пеньковский 1998: 183).

¹⁴ Вспомним пушкинские слова из строфы XV третьей главы: «Погибнешь милая, но прежде...»

Литература

БЕЛИНСКИЙ, В. Г., 1948. *Собрание сочинений*: В 3 т. Москва: АН СССР. Т. 3.

БОЧАРОВ, С. Г., 1974. *Поэтика Пушкина*. Москва: Наука.

БРОДСКИЙ, Н. Л., 1950. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. Москва: Учпедгиз.

ВЯЗЕМСКИЙ, П. А., 1996. Об альманахах 1827 года. *In: Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827*. Санкт-Петербург: Государственный пушкинский театральный центр, 315–316.

ГРИНБАУМ, О. Н., 2008. *Гармония стиха Пушкина*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

ГРИНБАУМ, О. Н., 2010. Третья глава романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: письмо Татьяны Лариной в ритмико-смысловом освещении. *Respectus Philologicus*, 17 (22), 43–54.

ГРИНБАУМ, О. Н., 2010а. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: ритмико-смысловый комментарий. Главы первая, вторая, третья. Санкт-Петербург: СПбГУ.

ГРИНБАУМ, О. Н., 2011. Четвертая глава романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: монолог Онегина в ритмико-смысловом освещении. *Respectus Philologicus*, 20 (25), 133–152.

КИРЕЕВСКИЙ, И. В., 2000. Нечто о характере поэзии Пушкина. *In: А. С. Пушкин: pro et contra*. Санкт-Петербург: РХГИ, 35–47.

КОШЕЛЕВ, В. А., 1999. «Онегина» воз-

душная громада...». Санкт-Петербург: Академический проект.

КУЮНЖИЧ, Д., 1994. Похищенное письмо Татьяны. *In: Проблемы современного пушкиноведения: Сборник статей*. Псков: ПГПИ, 128–140.

МАКАГОНЕНКО, Г. П., 1963. Роман Пушкина «Евгений Онегин». Москва: Художественная литература.

НАБОКОВ, В. В., 1998. *Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»*. Санкт-Петербург: Искусство.

ПЕНЬКОВСКИЙ, А., 1998. Об «антипоэтическом характере» Онегина, или как читать Пушкина. *Пушкин и теоретико-литературная мысль*. Москва: ИМЛИ.

ПУШКИН, А. С., 1937. *Полное собрание сочинений*: В 16 т. Москва; Ленинград: АН СССР. Т. 6.

ПУШКИН, А. С., 1949. *Полное собрание сочинений*: В 16 т. Москва; Ленинград: АН СССР. Т. 9.

ТУРБИН, В. Н., 1996. *Поэтика романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»*. Москва: МГУ.

ФОМИЧЕВ, С. А., 1983. Рабочая тетрадь Пушкина, ПД № 835 (из текстологических наблюдений). *In: Пушкин. Исследования и материалы*. Ленинград: ИРЛ. Т. XI.

Oleg Greenbaum

Saint Petersburg State University, Russia

Research interests: poetics, harmony, cognitive linguistics, the “Golden Section”

TATYANA LARINA'S LETTER FROM ONEGIN'S PERSPECTIVE

Summary

This paper considers some issues of the rhythmic semantic analysis of the text of the letter written by Tatyana Larina, presented in the third chapter of A. S. Pushkin's novel *Eugene Onegin*.

Previous work in this area has been devoted to studying the structural and compositional peculiarities of the text, as well as to rhythmical and expressive aspects of the reader's perception of Tatyana's letter. The present study continues the selected method of analysis in a way related to the specific nature of this letter: the fragment of the novel is viewed as a separate text “inserted” into the whole, which can and should be read separately from the general course of the poetic narrative. The chosen approach allows us to examine the process of perception of Tatyana's letter by the addressee, Onegin, and, at the same time, makes

it possible to clarify Pushkin's reasons for hiding the text of the letter from readers for so long, as though looking for the best time and place to present it. The study shows that the method of reading Tatyana's letter as "separate" reveals that at the centre of the emotionally expressive percep-

tion of this text is the word "hope." This fact helps to yield new evidence pointing to the reasons for Onegin's ruthless and seemingly inadequate response to Larina's letter.

KEY WORDS: prosody, harmony, rhythm, mathematics, the "Golden Section."

Gauta 2012 09 25

Priimta publikuoti 2013 01 18